

...и превратить в казарму

Символическое решение: один из лучших лицеев страны национализировать и превратить в кадетский корпус. Как хотят закончить историю «Кораллово»

9 мая в «Кораллово». Фото: korallovo.ru

07:07, 25 июня 2026,

Вера Челищева

репортер, глава отдела судебной информации

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Пытаюсь начать... Сейчас... Просто очень больно. Как и всем, кого новостной заголовок «Национализированный лицей в Кораллово власти переделают в кадетский корпус» режет по сердцу ножом.

Слишком личное и родное — лицей в Кораллово, ставший костью в горле для дядей в больших силовых кабинетах. Теперь понимаю, что эта кость в горле стояла у них несколько десятилетий.

«Кадетский корпус на 800 человек». Больше, чем просто заголовок. Больше, чем просто новость. Новость, которую большинство прочло и забыло.

Такой финал еще года два назад никто не мог предположить. Казалось бы, не посмеют тронуть лицей. Там же дети...

Посмели.

Думаю все дни о, должно быть, очень довольным своей находчивостью, кураторе, которому пришла в голову эта идея. Цель — изощренная издевка: «Вы создавали в своем лицее «парламентскую республику», относились к детям как к личностям, учили их правам и свободам. Вот и получайте. Теперь тут будет кадетский корпус».

Я даже слышу его/их, «в пыльных шлемах», смешки...

Цинично воспользовались моментом — СВО же. «Всё для Родины».

Лицей «Подмосковный» (так он называется официально) был создан теми, кто вкладывал в слово «Родина» совсем другое. Всю свою жизнь. Кто занимался теми, кого Родина либо бросала на произвол судьбы, либо предпочитала не замечать как статистическую погрешность. Это были беспризорники, сироты.

Дети, потерявшие одного или сразу двух родителей. Дети, пережившие теракты, бедствия и техногенные катастрофы.

Сейчас расскажу.

Марина Ходорковская. Фото: oldkhodorkovsky.ru

...Все началось в 1992-м.

Их было трое. Она — красивая женщина с глубоко посаженными глазами, на первый взгляд несколько сдержанная и холодная. Но стоило теплой улыбке появиться на лице, и собеседник таял под ее обаянием — как внешним, так и внутренним.

Он — вечно с куревом в зубах, душа нараспашку, разговорчивый и заботливый как отец родной, а точнее, дед.

И их сын, что занесен сегодня на родине во все немыслимые списки: «террорист», «экстремист», «иноагент», «уголовник»,

«вор» и, конечно, «предатель». А тогда начинающий бизнесмен, в скором времени глава крупнейшей нефтяной компании страны... Ходорковские-старшие всю жизнь до этого работали инженерами на столичном часовом заводе «Калибр», были скромными интеллигентами и очень частными людьми. Откроет их миру сын. А еще заставит (буквально) создавать с нуля тот самый лицей.

Легендарный диалог состоится тогда же, в 92-м.

— Давай организуем в Кораллово небольшой лицей, человек на 20–30. Соберем детей-сирот, сейчас их так много. Займись этим, — говорил сын отцу.

— Ты что, с ума сошел? Дети — это ж такая ответственность!

— Будете там с мамой жить и работать.

— Нет!

— Маленьких возьмем.

— Нет!!!

— Я ж тебе говорю: сирот!

— Нет!!!

— А вспомни себя.

Послевоенное детство Ходорковского-старшего было тяжелым. Отец погиб в 41-м под Москвой, мать осталась с двумя детьми

одна, работала на заводе по две-три смены подряд, только чтобы прокормить детей. Маленький Боря иногда побирався на вокзалах, в электричках, бродяжничал... Он запомнит это на всю жизнь. Словом, нажав на болевую точку, сын отца уломяет.

Через год в Кораллово, что в Одинцовском районе Московской области, в выкупленной сыном заброшенной усадьбе графа Васильчикова (в советские годы здесь был профсоюзный санаторий) будет строиться лицей-интернат для сирот-детдомовцев, детей из неполных семей, детей, чьи родители погибли в войнах, терактах, авиакатастрофах. Строиться — легко сказать. Изначально усадьба с развалившимся домом отдыха (развалившимся еще до перестройки) представляла жалкое зрелище. Полная разруха, не было ни канализации, ни воды, ни света. Всё пришлось делать заново.

За год усадьба была отреставрирована. Первый набор в лицей состоялся в 1994 году. В отремонтированный дом въехали 17 ребят — самые первые лицеисты. В основном это были дети пограничников, которые в тот момент служили на таджикско-афганской границе. Подростков (набор в лицей начинается с 5-го класса) сотрудники лицея вывозили из Таджикистана буквально под обстрелами.

Вскоре в лицей стали направлять детей из нефтяных регионов, где работал ЮКОС. Условие отбора было всё то же: брали детей-сирот и ребятшек из необеспеченных и социально незащищенных семей.

Главная проблема, с которой столкнулись тогда педагоги, — иждивенчество ребят. Имущество и технику ломали, одежду не берегли. И тогда решено было ввести экономическую игру — ее

разработали специально привлеченные ученые. В лицее ввели свои «деньги» и «кредитные карточки». Хватило одного игрового дня, чтобы полностью изменить ситуацию. Как только появилась возможность «зарабатывать», иждивенчество исчезло. Все перестали портить вещи и следили за чистотой. Лицейсты даже стали требовать, чтоб уволили уборщиц — они отнимают у них «рабочие места».

Борис и Марина Ходорковские. Фото из архива «Новой газеты»

Поначалу на учебу детей возили в ближайшую школу в поселке Ершово. В Кораллово они лишь жили в коттеджах. Но уже к 2003 году на территории бывшей усадьбы ЮКОС построил современную просторную школу на 240 мест с компьютерными классами, бассейном, крытым спортзалом, стадионом, круглосуточным медпунктом и многочисленными мастерскими. Теперь ездить никуда не приходилось.

Увеличился набор, и число коттеджей. Усадьба графа Васильчикова превратилась в целый городок со своим уставом и правилами. Дети с педагогами решили, что это будет Лицейско-демократическая республика, в которой каждый житель — самостоятельная творческая свободная и развивающаяся личность, уважающая себя и других горожан. Это реально было внутреннее самоуправление с парламентом и президентом (на эти должности избирались сами лицеисты в ходе выборов), с независимым судом, таким же центризбиркомом, общественной приемной по правам ребенка, биржей труда, банком...

За жизнь горожан Лицейской республики бережно отвечали Марина Филипповна и Борис Моисеевич Ходорковские. А еще — десятки уникальных, талантливых профессионалов-педагогов, помощников, психологов, воспитателей, нянечек, сотрудников административного персонала — готовых не только учить общеобразовательным предметам и помогать детям в быту, но и прививать какое-то нормальное отношение к жизни, окружающим и себе. Вот как-то так по наитию воспитывали, без всякой назидательности — как чувствовали и жили сами.

Игра в морской бой в Лицее. Фото: V Kontakte

Не всё было так просто. Дети были разные. С разной степенью пережитого до лица и с разным воспитанием. Не сразу, но постепенно оттаивали и менялись.

«Распространение жизни» на пустые незаполненные глаза — это моя самая важная работа, — говорила Марина Филипповна обозревателю «Новой газеты» Зое Ерошок. — И вот счастье: детские глаза перестают «пустеть», а мальчик, потерявший родителей при землетрясении, мальчик, который целый год не мог улыбнуться, вдруг засмеялся. Он засмеялся, а все вокруг заплакали. Воспитатели, учителя, нянечки, поварихи, уборщицы. И разнеслось по лицу: «Леша улыбнулся! Леша засмеялся!» Леше одиннадцать лет тогда было. А сейчас он уже окончил Институт нефти и газа. Солидный молодой человек. Это только один из сотен эпизодов лицейской жизни».

Когда стариков Ходорковских спрашивали друзья семьи, кем вы там конкретно работаете, они отвечали: «Бабушкой и

дедушкой».

Как же повезло тем, кто рос в лицее и выпустился из него при Марине Филипповне и Борисе Моисеевиче...

...Помимо «бабушки» и «дедушки» у детей, конечно же, были первоклассные педагоги по всем общеобразовательным предметам, а также по музыке, танцам, фехтованию, шахматам, информатике, моделированию и, конечно, спорту, у младших — няни, укладывающие их спать, есть врачи и психологи.

Вообще, это изначально был уникальный эксперимент Ходорковского* (сына) — дать шанс тем, кому с ранних лет тяжелее всего. И эксперимент удался. Те, кто учится здесь, успешно сдавали и сдают ОГЭ и ЕГЭ, поступали и поступают в ведущие вузы страны и мира. Иногда детей, попавших в беду, брали в середине учебного года.

Здесь с начала 2000-х учились дети «Норд-Оста», Беслана, дети погибших спецназовцев «Вымпела».

...В чем был феномен Кораллово? К 2000-м частных лицеев и школ появилось в стране много. Но все они были похожи тем, что работали исключительно для детей элиты — людей с большими толстыми кошельками, способных платить. Для уязвленных категорий детей такие заведения были закрыты на амбарный замок.

Билет в жизнь давал им лицей в Кораллово, не требуя ничего взамен. Только чтобы учились. Критерий все 30 лет был один: в лицей берут «детей побитых людей», как выразился однажды сотрудник лицея, генерал-майор пограничных войск КГБ СССР Юрий Мамонов.

Акция «Вахта памяти» в Лицее. Фото: korallovo.ru

Еще раз. Это не было обычное общеобразовательное учреждение. И это не был детский дом. В последнем все-таки среда и система подавления воспроизводит еще больше «сложных» детей. В Кораллово же перед педагогами всегда стояла задача растопить лед этих сложных детей, избавить их от вредных привычек, дать чувство базовой безопасности, сильное довузовское образование и бережно выпустить дальше во взрослую жизнь.

Иногда детей привозили в лицей сами родители. Чаще всего это были отцы, получавшие назначение в Чечню или служившие в каких-нибудь далеких бухтах или на заставах. Но в основном первые годы генерал Мамонов и бывший руководитель престижного отделения спецопераций отряда «Вымпел» Анатолий Ермолин, опять же, сами ездили по границам, по горячим точкам и искали детей в свой лицей. Находили. Это были дети Каспийска, Волгодонска, Афганистана, Чечни. В лицее учился сын генерала Гамова, которого в 2002-м сожгла заживо во Владивостоке местная мафия...

«Жена генерала тоже пострадала, ей на 80% пересаживали кожу на лице, делали пластические операции и у нас, и в Японии, Миша помогал деньгами, даже уже из тюрьмы, и она восстановилась, и выглядела хорошо, но иногда приезжала в лицей какая-то никакая, и я ее ругала: сделай прическу, накрась глаза, ты — молодая женщина... Нельзя снижать свой внешний уровень. Впрочем, внутренний — тоже», — рассказывала Марина Ходорковская.

И в этом была вся она — сама даже в самые сложные времена всегда покрашенная и с прямой спиной и никогда не позволяющая себе сойти с дистанции и (ее слова) «стать пленником жалости».

А сложно было часто. Точнее, страшно. За детей.

Марина Ходорковская. Фото: oldkhodorkovsky.ru

...Первый психологический удар был нанесен в октябре 2003-го

— когда незадолго до ареста сына вооруженные люди в масках нагрянули и в лицей. Многие дети испугались, некоторые спрятались. Самых маленьких потом пришлось долго выводить из стресса. Шоу в детском учреждении было устроено ради изъятия сервера.

В 2006 году еще один удар по Кораллово. Генпрокуратура арестовала имущество лица «Подмосковный» — якобы в целях обеспечения исковых требований к Ходорковскому-младшему. Но тогда лицей удалось отстоять. Гражданское общество в России еще было, и главное, ему еще разрешали открывать рот без угрозы репрессий. На защиту лица встали вдова Сахарова Елена Боннэр, Сергей Ковалев, организация матерей «Голос Беслана» (в Кораллово уже учились дети из числа бывших заложников), потребовавшие не уничтожать образцовое учебное заведение страны и не делать детей жертвами политики. Отстали. Хоть и на арестованной земле, работа лица продолжилась — без единых изменений в части уровня жизни детей и качества преподавания.

Единственное — порушились планы на строительство второй очереди лица «Подмосковный».

Старики Ходорковские, попечители, педагоги старались сохранить для детей хотя бы то, что есть.

Понятно, что территория лица долгие годы была лакомым куском подмосковной земли для очень-очень многих, прежде всего во властных структурах. Но даже арестованный лицей не трогали. И это внушало надежду, что не тронут и дальше...

До августа 2014 года Кораллово всё так же держалось на стариках Ходорковских и десятках уникальных, не боящихся рисков сотрудников (активное участие в работе лица до последнего принимал и оставшийся в России Платон Лебедев).

Потом, после смерти Марины Филипповны, лицей держался на Борисе Моисеевиче и всё том же коллективе. Потом...

Учеба в Лицее. Фото: V Kontakte

...Потом был ноябрь 2025-го. Всего сутки потребовались на то, чтобы иск Генпрокуратуры с требованием обратить в доход государства лицей в Кораллово был удовлетворен.

Решение выносила все та же Мещанка — районный суд, что судил, арестовывал и калечил жизни сотрудникам ЮКОСа несколько лет подряд...

Лицей-интернат в Кораллово, напомним, национализировали, так как Ходорковский и Лебедев — «должники» российского государства.

Однако в иске Генпрокуратура, кроме этого, заявила, что обучение в лицее якобы «носит политически ангажированный характер и формирует у детей лояльное отношение к

антироссийским проявлениям».

Это про лицей, в главном корпусе которого на самом видном месте выгравированы слова «Честь, подвиг, достоинство».

Это про лицей, который за свои 30 с лишним лет жизни занял место в топ-10 лучших частных общеобразовательных организаций Подмоскovie, вернув полноценными в общество несколько сотен трудных подростков, дав им социализацию, связи, дружбы, семью, образование и работу.

Это про лицей, учеников которого до последнего учили чтить память тех, кто пал в годы Великой Отечественной войны. И это не было формальной галкой общеобразовательного учреждения для проверяющих инстанций. У детей много лет существует военно-патриотический клуб «Коралловец» и каждую осень и весну лицеисты устраивали «Вахты памяти» — выезжали на ближайшие сельские кладбища в Носоново и Ершово и убирали могилы ветеранов Великой Отечественной войны. Каждый год. И в этот тоже. Под присмотром лицея находился ряд мемориалов в Московской области. Такой вот «ангажированный характер», такие вот «антироссийские проявления»...

А какие душевные линейки устраивали лицеисты ежегодно 9 мая. Начало положил еще Борис Ходорковский, тот, кто потерял отца на войне...

9 мая в Лицее. Фото: korallovo.ru

...По какому-то совершенно символичному совпадению Борис Моисеевич умер в тот день, когда Генпрокуратура отправляла в суд свой иезуитский иск, а столичный суд со скоростью ветра, кажется, и не читая, его удовлетворяла.

Он так ничего и не узнал. И это главное. Потому что лицей «Подмосковный» был для него и Марины Филипповны делом жизни.

...Дальше лишь пунктиром. Потому что невозможно больно. За полгода лицей прошел стадию переквалификации в «профильную многофункциональную гимназию». Была робкая, совсем робкая надежда (такая, в которую вроде уже не веришь, но за которую цепляешься, потому что цепляться больше не за что), что этой юридической казуистикой всё и ограничится, что лицейю, точнее, теперь уже гимназии, дадут дышать. Если не как

прежде, то хотя бы половинчато.

Но, очевидно, была дана команда душить окончательно.

3 июня 2026 года в стенах лицея прошел последний сбор 2025–2026 учебного года — традиционное мероприятие, десятилетиями объединяющее вместе воспитанников, попечителей, педагогов и всех жителей Кораллово. Но, кажется, в этом году сбор стал именно последним.

«Рейс «Станция Кораллово — Взрослая жизнь» отправляется через пять минут! Просьба всех занять места!..» — такими словами одиннадцатиклассники начали свой концерт.

А 5 июня прозвучал Последний звонок и был исполнен Прощальный вальс всех 11 классов...

Спустя две недели в СМИ появилась информация, что государство планирует переделать лицей в кадетский корпус на 800 мест.

...Как легко уничтожить, разрушить, убить то, что не создавалось твоими руками. Как легко при этом еще цинично посмеяться и вместо хоть чего-то созидательного придумать детскую казарму.

Но какое счастье, что Марина Филипповна, Борис Моисеевич и их лицей были в нашей жизни.

P.S. Сейчас одиннадцатые классы сдают экзамены, потом (хочется верить) у них будет выпускной в стенах родного

лица, а затем поступление в вузы. В лучшие (как показывает практика трех десятилетий) вузы страны.

* Минюст РФ внес в реестр «иноагентов».